

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ АНГЛИЙСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ С ПОЗИЦИИ ПОЛУШАРНЫХ ГРАММАТИК

Игина З. А.

Киевский национальный лингвистический университет

Статтю присвячено викладу гіпотези про можливість розмежування прийменникового додатка з просторовим значенням і обставини місця на основі методики гемісферних граматик з опорою на переклад оригінального англомовного тексту російською мовою. Аналіз здійснено на матеріалі фрагмента оповідання Н. Геймана і двох відповідних російськомовних перекладів. Методика гемісферних граматик, а саме – аналіз внутрішніх і зовнішніх тема-рематичних комплексів (ТРК), була запроваджена й обґрунтована Л. В. Сахарним у межах досліджень функціональної асиметрії мозку.

Ключові слова: додаток, обставина, тема-рематичний комплекс, сукцесія, цільність.

The article is dedicated to the hypothesis that such English syntactical units as prepositional objects with the locative meaning and adverbial modifiers of place may be differentiated by analysing internal and external theme-rhematic complexes with reference to their translation variants in Russian. The analysis of these complexes, also known as hemispheric grammar, was introduced and substantiated by L. Sakharny in the course of psycholinguistic studies accounting for functional asymmetry of human brain.

Keywords: integrity, modifier, object, succession, theme-rhematic complex.

Разделение членов предложения на главные и второстепенные – старейший традиционный метод изучения синтаксиса. Подлежащее и сказуемое как опорные компоненты формально-грамматической организации предложения являются главными. Среди второстепенных в английской грамматике выделяют, в частности, элементы с локальным значением (viz. обстоятельство места (adverbial modifier of place) и препозитивное дополнение (prepositional object)), выбор исследователя в пользу одного из которых в каждом конкретном случае представляет собой дилемму и часто зависит от субъективного восприятия. Данные члены предложения четко не разграничиваются даже в справочной литературе [1, с. 584], и лингвистический интерес, побуждающий обратиться к этому, казалось бы, вполне тривиальному вопросу распределения функций, связан с актуальной проблемой установления системной связи между традиционными и альтернативными методами изучения языка и может способствовать более последовательному обоснованию синтагматических отношений, по-разному выражающихся при переводе.

Возможность более точного определения, чем же является тот или иной член предложения (обстоятельством места или препозитивным дополнением), предоставляет теория Л. В. Сахарного о право- и левополушарной грамматиках, в основе которых лежит принцип функциональной асимметрии мозга. В результате большого количества опытов при помощи унилатеральной электрошоковой терапии было выявлено, что одно и то же речевое выражение может быть осмыслено аналитически, т. е. последовательно, и одновременно целостно, как идиома. Также был сделан вывод, что левое полушарие управляет формально-логической обработкой сообщения с использованием языковых единиц разных уровней, детально описанных традиционной грамматикой, а правое оперирует так называемыми цельностями – “симультантными интегральными представлениями об объекте”. Цельности далее делятся на субцельности, которые в свою очередь объединяются во внутренние бытийные и маркирующие тема-рематические комплексы (ТРК). Бытийный комплекс вводит предмет / феномен (есть нечто),

а маркирующий определяет предмет (является таким-то / делает то-то). Обе структуры лежат в основе внешней вербализации – операций построения сукцессивного (линейного) текста в левом полушарии [4, с. 161–176].

Идея о симультанности цельностей близка гипотезе о ментальных единицах промежуточного языка, предложенной Ю. М. Карауловым на основе дискуссионной теории Н. И. Жинкина об универсальном предметном коде (УПК). Этот внутренний код содержит (предположительно) предметные изображения, которые могут группироваться и замыкаться в определенную цель, однако, несмотря на предметность, изобразительные компоненты кода лишь схематичны и призваны быть опорой для восстановления слов любого языка [2, с. 35]. Среди компонентов УПК фигурируют следующие [3, с. 189–210]: а) *схемы* (развернутые во времени, значительные по объему последовательности действий, собранные в цепи процедур; элементами схем являются простейшие моторные представления действий); б) *образы* (элементы промежуточного языка, возникающие в сознании как наглядные и синкретичные (недетализированные) отпечатки внешнего мира), гештальты (нечто среднее между схемой и образом (в отличие от которого гештальт лишен наглядности, но подобно которому способен разворачиваться)); в) *моторные представления* (например, ситуация “почистить зубы” состоит из интериоризированных элементарных движений (узлов): взять щетку, открыть кран, намочить щетку, взять тюбик пасты); г) *картины* (наглядные смыслокомплексы, состоящие из отдельных образов восприятия); д) *слуховые, зрительные или моторно-артикуляционные образы слов*, отличающиеся высокой концентрацией смысла, выступающие в качестве символа для большого семантического комплекса и служащие мнемоническими опорами при продуцировании текста.

Цель статьи заключается в разграничении препозитивного дополнения с пространственным значением и обстоятельства места путем анализа внутренних и внешних ТРК. Задания состоят в обосновании различия между внешними и внутренними ТРК и в реконструкции механизмов внешней вербализации в англоязычном оригинале и двух вариантах русскоязычного перевода.

Материалом для анализа являются два оригинальных фрагмента из рассказа Н. Геймана “Bitter Grounds” [5, с. 85–109], а также их переводы на русский язык.

Первый анализируемый фрагмент диалога [5, с. 89] содержит шесть существительных с предлогами пространственного значения (in, on, to): “*My wallet,*” *he said again. His voice was plaintive and hurt. “You had it back in the motel,” I reminded him. “You were holding it. It was in your hand.”* <...> “*Okay,*” *said the anthropologist. “This is what we’ll do. You drive back to the motel. I must have left the wallet on the desk.”*

В переводе В. Б. Полищук [6, с. 423] данный фрагмент передан следующим образом: “*Бумажник!*” – *потерянно повторил он совершенно убитым голосом. – “В мотеле он у вас был, – напомнил я ему. – Вы держали его в руках и постукивали им по стойке портье”. – “Знаете, мы сделаем вот что. Съездите обратно в мотель. Я наверняка оставил бумажник прямо на стойке. Привезите его мне”.*

Т. Ю. Покидаева [7, с. 116] выполнила перевод этого же фрагмента несколько иначе: “*Мой бумажник,*” – *жалобно, обиженно повторил он. – “В мотеле он у вас был, – сказал я. – Вы его держали в руках. Когда разговаривали с портье.” – “Вот что мы сделаем, – лихорадочно сказал антрополог. – Вы вернетесь в мотель. Я, должно быть, оставил бумажник на стойке. Вы заберете его, привезете сюда.”*

Семантическим центром [3, с. 130] оригинального диалога является образ бумажника, якобы забытого антропологом в мотеле и за которым должен вернуться рассказчик. В терминах УПК ситуация предстает одновременно как картина и схема. Наглядность объясняется наличием целого комплекса предметных образов, вырисовывающих ситуацию,

а порядок мысленного воспроизведения действий, которые нужно совершить, чтобы найти бумажник, – это схема определенной процедуры: доехать до мотеля, добраться до конторки, взять бумажник, вернуться и отдать владельцу.

Таким образом, смыслокомплекс представляет собой некую цельность, в составе которой выделяются номинативные субцельности (wallet (бумажник), motel / desk (мотель / конторка), hand (рука, хотя в обоих переводах – руки), somebody [I, you] (кто-то; я, вы)), а также субцельности, связанные с действиями вокруг бумажника и указывающие на владение (having), поездку, чтобы забрать бумажник (driving for), оставление (leaving). Логично предположить, что внутренние бытийные ТРК вводят перечисленные сущности как имеющие место: есть бумажник / рука / возможность иметь / ехать и т. п. Внутренние маркирующие ТРК, касающиеся бумажника (smb was in the motel (кто-то был в мотеле), smb has a hand (у кого-то есть рука / руки), smb had a wallet (у кого-то был бумажник), smb had a wallet in the hand (у кого-то был бумажник в руке / руках)), группируются с бытийными ТРК (there is / was smb / smth – есть / был, было кто-то / что-то) в иерархию (рис. 1):

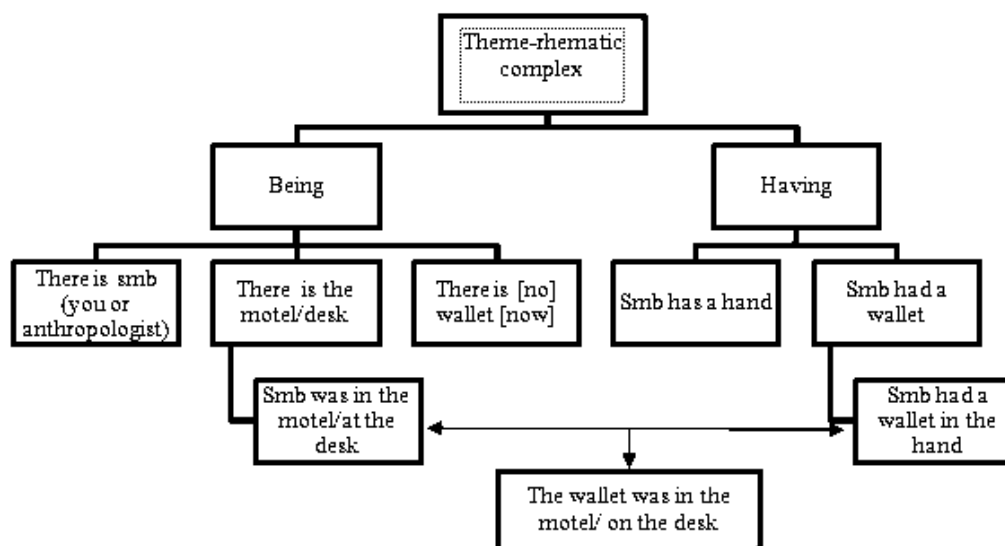


Рис. 1. Внутренний ТРК

Внутренние ТРК, связывающие бумажник и рассказчика, составляют менее разветвленную иерархию: а) бытийные: there is smb [you or narrator] (есть кто-то (вы или рассказчик)), there is the motel (есть мотель)); б) маркирующие: smb can drive (кто-то может поехать), smb can drive to the motel [to get the wallet] (кто-то может поехать в мотель [за бумажником]).

Местонахождение бумажника объединено тремя образами: мотелем, конторкой и рукой (в переводах – двумя руками). Они не теряют важности и во время внешней вербализации. Внешняя вербализация ТРК реализуется группировкой внутренних ТРК в узкие (локализованные в одном месте текста) и широкие (локализованные в разных местах текста и объединенные одним предметом). Каждый узкий ТРК содержит одну или несколько минимальных актуальных предикативных структур (МАПС): или только бытийную (свидетельствующую о появлении указания на предмет в актуальном тексте), или бытийную и маркирующую / несколько маркирующих (когда предмет маркируется определенным качеством) [4, с. 182–184]. Например, предложение *You had it back in the motel* (В мотеле он у вас был) состоит из эксплицитной бытийной МАПС (you) и нескольких маркирующих: *had, had it, had it in the motel, had it back*.

В переводах место бытийной МАПС занимает *он* (*бумажник*), сопровождаемый маркирующими: *в мотеле, у вас, был*. Механизмы связи бытийной МАПС с несколькими маркирующими внутри узкого внешнего ТРК могут быть непосредственными и непрямыми, в зависимости от чего в ТРК выделяются структуры *куста* и *цепочки* [4, с. 188–192]. *Куст* содержит бытийную МАПС и несколько определяющих маркирующих, в *цепочке* каждая следующая МАПС определяет не бытийную, а предшествующую маркирующую.

В предложении *You were holding it, it was in your hand* (*Вы держали его в руках и постукивали им по стойке портье* (В. Полищук) и *Вы его держали в руках. Когда разговаривали с портье* (Т. Покидаева)) исходная бытийная МАПС *you* (*вы* – в обоих переводах) определяется, в частности, маркирующей *it* (*его*), а в следующем предложении уже *it* (*он*) маркируется двумя другими МАПС – *was* и *in your hand*. В переводах маркировка имеет различные реализации. В варианте В. Полищук – *постукивали им по стойке портье* – осуществляется реминисценция на конкретное действие с бумажником, которое в оригинале было упомянуто ранее в тексте (*He tapped the desk with his wallet as he spoke, the beats emphasizing his words*), но не в анализируемом фрагменте. В варианте Т. Покидаевой бытийная МАПС *вы* не смещается на *его / бумажник*, а обретает дополнительную маркировку – *когда разговаривали с портье*. Что касается передачи *in your hand* на русский язык – *в руках* – то здесь имеет место замена конкретного образа руки (одной руки, держащей бумажник) общей схемой ситуации – разговора антрополога с портье, где бумажник – один из атрибутов, элементов картины памяти.

Структуры *куста* и *цепочки* помогают разграничить препозитивное дополнение и обстоятельство места. Как было сказано, образ бумажника уже на уровне внутренних ТРК тесно связан с тремя разными объектами внешнего мира, в равной степени важными для реконструкции ситуации в прошлом, когда бумажник был потерян, и для прогнозирования будущего, чтобы его найти. Это указывает на то, что объекты не взаимозаменяемы и жестко локализованы во внутренней иерархии ТРК именно как маркирующие признаки бытийной структуры *бумажник*. Следовательно, *мотель/конторка/рука* (в оригинальном тексте) – не только бывшие / возможные местоположения потерянной вещи, т. е. фон, на котором представляется эта вещь в процессе мысленного поиска, а конкретная точка координат, фигура, выступающая на передний план, чтобы стать мнемоническим ориентиром для ищущего. В переводах **определенная рука** как объект ориентировки, по-видимому, значения не имеет, поскольку акцент делается только на то, что **бумажник был** у антрополога, когда тот стоял у **стойки портье в мотеле**.

Поскольку цельность держится как на схеме действий, так и на картине-смыслокомплексе, целесообразно применить элементы обеих для структурирования *куста* и *цепочки* внутри внешних ТРК. Согласно примеру, *схема* касается будущего (возвращения в мотель и поиска), а *картина* охватывает элементы прошлого и будущего и опирается (в оригинале и переводах) на визуальное воспоминание о пребывании в мотеле (образ мужчины возле конторки с бумажником в руке). Следовательно, центральным образом *картины* является бумажник (в оригинале и переводах), а *схема* разворачивается как процесс возвращения в мотель. Мотель же – один из элементов *картины*, без него *схема* не имеет смысла. *Картина* и *схема*, таким образом, взаимосвязаны и не существуют друг без друга. ТРК с исходной бытийной МАПС *бумажник* можно смоделировать для воспроизведения *картины* в структуре с четырьмя маркирующими МАПС: *the wallet was back (1) in the motel (2) at the administrator's desk (3) in the anthropologist's hand (4)* – бумажник был раньше (1) в мотеле (2) у конторки администратора (3) в руке антрополога (4), что передано более точно в переводе В. Полищук (*“В мотеле он у вас был, – напомнил я ему. – Вы держали его в руках и постукивали им по стойке портье”*) и более описательно (в части места разговора с портье) в переводе Т. Покидаевой (*В мотеле*

он у вас был. Вы его держали в руках. Когда разговаривали с портье). Во втором случае переводчик счел факт упоминания конторки не особо важным, поскольку разговоры постояльцев с администратором, как правило, ведутся именно у конторки.

На следующем этапе следует прогнозировать детали *схемы*. Рука, конечно, уже не будет в ней задействована, поскольку владелец и бумажник находятся в разных местах, а из ориентиров остаются *мотель* и *конторка* (как структурный элемент мотеля). Так как *схема* строится пошагово, целесообразно воспользоваться моделью цепочки, где каждая МАПС маркирует предшествующую и каждая следующая тема (подчеркнуто) является частью ремы (выделено жирным) предыдущего предложения: *You drive back to the motel. Motel has a desk. The desk is the place for the wallet.* – Поезжайте назад в мотель. В мотеле есть конторка. Конторка – это место, где находится кошелек.

Схема сохранена в обоих переводах: 1. *Съездите обратно в мотель. Я наверняка оставил бумажник прямо на стойке* (В. Полищук). 2. *Вы вернетесь в мотель. Я, должно быть, оставил бумажник на стойке* (Т. Покидаева). Мотель стойка бумажник.

Анализ моделей внешних ТРК подтверждает высказанную мысль о мнемонических ориентирах на уровне внутренних ТРК. В рамках трансформированной в *схему картины бумажник* уступает другим образам, приобретающим значимость именно как объекты, а не места. В свете сказанного выделенные в примере существительные с предлогами являются препозитивными дополнениями с пространственным значением.

Во втором выбранном для анализа фрагменте выделенные элементы (в оригинальном тексте) не реализуются как важные объекты: *“Bring it back here. It'll take you five minutes.” He must have seen the expression on my face. He said, “Remember. People come into your life for a reason.”* [5, с. 89] – выражение на моем лице, приходят в вашу жизнь.

Первое подчеркнутое предложение основывается на трех внутренних бытийных ТРК: *он, видение, выражение*. Слово *face* (лицо), имеющееся на уровне внешней вербализации, никоим образом не раскрывает / углубляет синкретический смысл внутреннего ТРК, вводящего идею об *expression* (т. е. о выражении), поскольку выражение лица, безусловно, неразрывно связано с лицом как материей для своего появления – т. е. лицо является фоном для выражения. Именно *выражение* имеет здесь первостепенное значение: не может быть выражения ноги или руки. Во время внешней вербализации этот ТРК можно было бы сформулировать и как *the expression of my face* (выражение моего лица), т. е. придать слову *лицо* функцию определения. В переводах *выражение* передано описательно (придаточными предложениями) как результат некоего деланья, что вообще снимает с *лица* функцию *места*, а превращает, напротив, непосредственно в объект, где и выражение, и фон для него находятся в неразрывном единстве: 1. *“Вы заберете его, привезете сюда. Пять минут. Это займет пять минут.” Он, наверное, заметил, какое я сделал лицо. И добавил: “Люди не просто так появляются в нашей жизни. У всего есть причина”* [7, с. 116]. 2. *“Привезите его мне. Большие пяти минут у вас эта поездка не займет, – поспешно добавил он, увидев, какое у меня сделалось лицо. – Вспомните, люди возникают в нашей жизни не просто так”* [6, с. 423].

С другой стороны, по какой-то причине Н. Гейман выделил то, что выражение было на лице, иначе достаточно было бы сказать *my expression*. Вероятно, специфика этого выражения касалась части лица (глаз, губ, бровей), однако для воспроизведения картины подобный нюанс не имел особого значения, и поэтому *выражение* на уровне внешнего узкого ТРК сохранило свойства фигуры, доминирующей над фоном (комментарием о месте своего появления), что и было воспроизведено обеими переводчицами. Следовательно, элемент *on my face* резонно трактовать как обстоятельство места.

Во втором подчеркнутом предложении оригинального текста (*People come into your life for a reason*) маркирующая МАПС *come into your life* (приходят в жизнь) фигурально выражает

видение говорящего о жизни как определенном месте, куда можно прийти (где появиться, возникнуть). Объектных признаков это видение не имеет, что подтверждается моделями куста и цепочки, где само понятие *жизнь* можно, собственно, опустить без потери общего смысла – веры говорящего в то, что любое знакомство обусловлено или причинами появления встреченных им людей (А), или вообще мистическим вмешательством (В), а жизнь – лишь обстоятельство места:

А. People appear. People have reason (Люди появляются (Т. Покидаева), возникают (В. Полищук). Люди имеют причину.). – Структура куста с исходной быггидной МАПС *люди*. В. You meet people. Meetings have reasons. Reasons are further recognised (Вы встречаете людей. Встречи имеют причины (Т. Покидаева). Причины потом понимаются (Делается вывод, что все происходит не просто так (В. Полищук)). – Структура цепочки с тематизированными МАПС.

Анализ внутренних и внешних ТРК для различения второстепенных членов предложения и передаваемых ими значений может быть использован на занятиях по теоретической грамматике английского языка и сравнительной грамматике английского и русского языков, а также применен в рамках психолингвистических и переводческих исследований.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Члены предложения / Нина Давидовна Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 584–585.
2. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Николай Иванович Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–39.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики текста / Леонид Волькович Сахарный // Нейропсихолингвистика. – М. : Лабиринт, 2009. – С. 158–201.

Источники иллюстративного материала

5. Gaiman N. Bitter Grounds / Neil Gaiman // Fragile Things: Short Fictions and Wonders. – L. : HarperCollins, 2009. – P. 85–109.
6. Гейман Н. Горькие зерна / Нил Гейман; [пер. с англ. В. Б. Полищук] // Нежить. Антология. – СПб. : Азбука, 2009. – С. 420–443.
7. Гейман Н. Горькие зерна / Нил Гейман; [пер. с англ. Т. Ю. Покидаевой] // Хрупкие вещи. – М. : АСТ, 2016. – С. 113–136.